

УДК 008.001

ББК 71

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЕЩИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

Миролюбова Лидия Романовна

*канд. филос.наук, доцент, доцент кафедры
менеджмента и социальных коммуникаций,*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Балаково*

E-mail: ostapets60@bk.ru

АННОТАЦИЯ

Проблема вещи как социокультурного явления возникает в связи с необходимостью выявить сущность вещи, раскрыть ее функции, понять реальную роль, которую она играет в формировании конкретно-исторического типа личности. В статье раскрывается сущность основных подходов к изучению вещи как социокультурного феномена; акцентируется внимание на антигуманизации общества массового потребления и культе личности тотального потребителя.

ABSTRACT

The problem with things as a sociocultural phenomenon occurs due to the need to identify the nature of things, to reveal its function, to understand the real role it plays in the formation of specific historical personality type. The article reveals the essence of the main approaches to the study of things as a socio-cultural phenomenon; the focus is on antihumanitarian society of mass consumption and the personality cult of total consumer

Ключевые слова: вещь как социокультурный феномен; подходы к изучению вещи; общество массового потребления; аксеология

Keywords: thing as a sociocultural phenomenon; approaches to the study of things; the society of mass consumption; axiology

Отношения между человеком и вещью как социокультурным феноменом были неодинаковы на протяжении всей истории человечества, так как исходили из различных базовых ценностей как общества, так и человека. В связи с этим можно выделить такие типы этих отношений, как гедонистические, аскетические, рациональные, нерациональные, иррациональные. И они интересовали мыслителей, начиная с античности и до наших дней. Гениальная идея Протагора о том, что человек – мера всех вещей, имеет не только антропологическое, но и социокультурное значение. Спустя века Гегель открыл тайну диалектики «опредмечивания» и «распредмечивания» человеческого духа, благодаря которой, в частности, стал возможен научный подход к проблеме взаимосвязи человека и вещного мира. Объективное противоречие буржуазных отношений позволило К. Марксу вскрыть социально – экономические и мировоззренческие причины вещного фетишизма, что, в свою очередь, давало основания развенчать мифологему господства, власти вещей над человеком.

Проблемы онтологического бытия вещи активно обсуждались в XX веке как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Это было обусловлено, с одной стороны, нарастающей тревогой западных мыслителей (Ф. Ландберг, Д. Гелбрейт, Г. Маркузе, А. Моль, А. Печчеи, Г. Госслен, О. Тоффлер, Э. Фромм) по поводу деструктивных тенденций развития общества «массового потребления» и формирования личности тотального потребителя *Homo consumens*, а с другой - идеологами советских исследователей.

Что же касается анализа проблемы в контексте социалистического общества, то здесь возникла парадоксальная ситуация: с одной стороны, идеология социализма нацеливала на воспитание гармоничной личности, освобождающейся от мелкобуржуазной потребительской психологии вещиизма по мере совершенствования общественных отношений, а с другой стороны, мифологема, уповающая на очистительную миссию социализма по отношению к фетишизации вещи, оказалась несостоятельной в связи с крахом последнего.

И тем не менее, нельзя не признать не только интеллектуальное, но и гражданское мужество советских исследователей, которые обращались к

социологическим, семиотическим, культурологическим и другим аспектам вещи в условиях идеологического запрета таких наук, как социология, культурология и семиотика, обретших научный статус в России только в начале 90-х годов прошлого века (М. Каган, Л. Коган, Л. Столович, А. Ереимев, А. Молчанова, Ю. Лотман, Д. Сегал, Л. Переверзев, Л. Безмоздин и др.).

Конец XX-начало XXI веков знаменуют новый этап в изучении вещной среды и ее элементов в отечественной гуманитарной науке.

В специальной научной литературе выделяются два уровня исследования проблемы взаимосвязи человека и вещи: эмпирический и теоретический. Эмпирическая констатация бытия вещи на уровне явления правомерна для начального этапа исследования, но явно недостаточна. Осознавая это, представители различных наук стремятся к постижению сущностных отношений между человеком и его вещным окружением. Широта и многогранность проблемы способствовали становлению различных теоретических подходов к ее изучению: исторического, социологического, экономического, искусствоведческого, эстетического, семиотического и философско-культурологического. Каждый из них имеет свой аспект анализа проблемы.

Сразу же оговоримся, что речь идет именно о подходах, а не о методах изучения. Подход определяется предметным интересом той или иной науки и может опираться на самые различные методы (частные и общие) решения поставленных задач.

Обратимся к сущностной характеристике основных теоретических подходов к изучению вещи.

Исторический подход. В свете этого классического подхода вещь изучается как материальный артефакт, позволяющий понять специфику быта, образа и качества жизни различных цивилизаций, культур прошлого.

Анализ исторического бытия вещей в различных социокультурных контекстах возможен только благодаря обращению к историческим источникам, которые традиционно подразделяют на вещественные, письменные, изобразительные.

Методологический аспект изучения вещественных источников характерен для работ зарубежных и отечественных историков [1]. При этом, вещный мир предстает не только как технологические достижения цивилизаций, но прежде всего как

свидетельство прошлых эпох, отражающее материальные и духовные потребности человека и общества, социокультурные функции вещей.

Исторический подход к анализу вещной среды предполагает выявление не только закономерностей, но и синергетизма ее развития, диалектики традиций и новаторства, взаимосвязи мировоззренческой парадигмы с установками человека и общества в отношении вещной среды [2].

Социологический подход. Вещь есть продукт общества и вне его существовать не может. Социальная обусловленность вещи предполагает ее изучение с социологической точки зрения. Рассматривая вещь как социокультурный феномен, исследователь обязан выявить ее место и роль в системе взаимосвязи личности и общества, раскрыть причины социальной трансформации вещи и ценностных установок человека в различных социально-исторических системах.

В структуре западной социологии особое место занимает «критическая теория» Франкфуртской школы (В. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас), направленная, в частности, против общества «массового потребления», породившего «одномерного человека», консьюмеризм как мировоззренческое кредо постиндустриального общества.

Что же касается судьбы социологии в СССР, то она была трагична в силу известных причин.

Однако в работах советских исследователей 20-х-30-х годов уже ставились вопросы о социальном синтезе, единстве человека и вещной среды на основе новой социальной организации общества (Б. Арватов, А. Воронский, И. Маца, И. Хвойник, Д. Аркин). Единодушно признавалась принципиально иная основа взаимосвязи человека и вещи в социалистическом обществе, которая «уничтожает господство вещей над человеком, освобождает его из-под власти их, заменяет эту власть *непосредственными, свободными и равными отношениями между людьми*» [3].

Бесспорно, интересным представляется положение о диалектике социального в вещи. Так, Д. Аркин подчеркивал, что «бытовая вещь не ограничивается техническим, т.е. утилитарным, обслуживанием человека, «она обслуживает его и в идеологическом смысле» [4].

Одним из первых, кто четко сформулировал цель социологического изучения материальной культуры в целом и вещи, в частности, был А.Б. Салтыков, выдающийся исследователь декоративного искусства. Эта цель, по его мнению, заключалась в необходимости «понять законы жизни... вещевых комплексов, связь их с обществом, установить зависимость между обществом и вещами»[5].

В шестидесятые-семидесятые годы XX века после длительного перерыва актуализировались потребности в социологическом изучении вещной среды[6].

В условиях современной России особое значение приобретает социологический подход к анализу феномена потребления и его роли в трансформации социальных отношений [7]. К сожалению, социальные практики частнособственнических отношений таковы, что, порождая, с одной стороны, личную независимость, а с другой, вещную зависимость, они тем самым способствуют формированию одномерного человека-Номо consumens. Последствия такого противоречия для человека и общества крайне опасны, т.к. извращается духовная составляющая общества и разрушается многомерность человека.

Экономический подход. Источником социального бытия вещи в системе социума является диалектика производства и потребления, объективно предполагающая ее экономический анализ. Первыми, кто раскрыл специфику взаимосвязи человека и предметной среды (вещи) в различных социально-экономических системах, были К. Маркс и Ф. Энгельс.

В первобытном обществе между человеком и вещью существовала относительная гармония. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» указывал на то, что коллективный характер производства влек за собой господство производителей над производственным процессом и продуктом производства. В этих условиях вещи не выходили из-под контроля человека, не наделялись силами, вовсе им не присущими. Но постепенно в этот процесс проникает разделение труда, следствием которого явилось производство прибавочного продукта, породившего, в свою очередь, обмен и одновременно с ним — частную собственность. Вещь становится товаром, так как ее производство обусловлено прежде всего продажей.

Каждая вещь-товар обладает потребительской стоимостью, удовлетворяющей различные потребности людей и превращающейся тем самым в общественную потребительскую стоимость. Понятие "потребление" - одно из центральных в экономической теории. Очень многие исследователи подвергли справедливой критике товарный фетишизм, однако основания этой критики были разные. Так, в теории К. Маркса и его последователей отмечалось, что товарный фетишизм обусловлен капиталистическим отчуждением труда и эксплуатацией человека.

Однако, социализм, уничтожив частную собственность и антагонизм классов как основу товарного и вещного фетишизма, не смог до конца устранить дисгармонию человека и вещной среды.

Английский экономист Дж. М. Кейнс обратил внимание, в частности, на роль национального дохода, потребления, сбережения и инвестиций в формировании экономической активности. Объем потребительского спроса, обусловлен «склонностью к потреблению» и «основным психологическим законом», гласящим, что при росте дохода страны увеличивается в нем доля личного потребления [8]. Исходя из идей кейнсианства, можно понять причину «вещного» взрыва на Западе в 60-е годы прошлого века и в постсоветской России.

Т. Веблен, один из основоположников институционального направления в экономической теории, отмечал две стороны потребления: показную или демонстративную и скрытую. «Потребление показное» присуще «праздному классу» и позволяет ему демонстрировать с помощью вещей-товаров и услуг свою значимость [9]. Потребители среднего класса пытаются подражать в этом направлении. Так, психологическая зависимость в демонстрации вещного престижа стимулирует закон спроса.

Таким образом, экономический анализ вещи в системе производства и потребления позволяет выявить тенденции не только удовлетворения, но и формирования потребностей в вещах, имеющих гуманистический смысл лишь тогда, когда они служат воспитанию социально активной, духовно богатой личности.

Искусствоведческий подход. Художественный опыт человека опредмечивался и в вещах, которые, благодаря этому, становились произведениями прикладного и промышленного искусства. Существование вещей как декоративно-прикладных

ценностей создало возможности для искусствоведческого анализа артефактов прикладного искусства (одежды, тканей, мебели, посуды, утвари, бытовых инструментов, орудий, приборов и пр.). Искусствоведческий подход традиционно выступает в трех формах: исторической, эмпирической и теоретической.

Исторический взгляд на произведения прикладного и промышленного искусства позволяет зафиксировать эволюцию вещных форм, смену стилей и направлений, развитие способов художественной обработки материалов, особенности творчества конкретного мастера, художника [10].

Эмпирическое искусствознание описывает отдельные вещи со стороны внешних связей, явлений, доступных живому созерцанию [11] Наконец, теоретический уровень изучения вещи выявляет специфические закономерности ее развития (М.В. Алпатов, Д. Аркин, П.Г. Богатырев, Н.В. Воронов, М.С. Каган, О.С. Попова, Н.Н. Соболев, А. Б. Салтыков С.М. Темерин, А. Чекалов и др.).

Вне интересов искусствоведения остаются общие закономерности развития искусства, то, что объединяет произведения прикладного и промышленного искусства с другими видами искусства.

Эстетический подход. Наукой, способной преодолеть односторонность искусствоведческого подхода к вещи, выступает эстетика, внимание которой устремлено на общие законы художественной деятельности человека, на инвариантное, устойчивое, встречаемое в различных видах искусства, в том числе и в прикладном.

При эстетическом подходе главными становятся проблема строения прикладного искусства, его бытия в двух формах - монофункциональной и бифункциональной (терминология М.С. Кагана); соотношения утилитарных и духовных потребностей, пользы и красоты; специфики вещи как эстетического объекта; наконец, особенностей эстетического воспитания личности в вещной среде и др. [12].

Семиотический подход. С возникновением в XX веке науки, изучающей законы образования и функционирования знаковых систем, стал возможен семиотический подход к изучению культуры, в том числе и вещи как элемента последней.

Семиотика, в отличие от частных наук, обращающихся к знаку с позиций предметного интереса, исследует общую природу знаков, общие законы их использования, создает типологическую модель знаков и знаковых ситуаций.

Одним из общепринятых определений знака является такое, в котором под знаком подразумевается предмет, замещающий, представляющий другой предмет, процесс, идеи (Ч. Пирс, Ч. Моррис, Э. Бенвенист, А. Ветров, Д. Горский и др.). К характерной особенности знака относится то, что он обладает предметным и смысловым значением.

В работах зарубежных и отечественных авторов содержится интересный материал об эволюции вещей как семиотических ценностей, о коммуникативной структуре вещи [13].

Анализ значений вещи в системе общества и культуры позволяет сделать вывод о целостности и замкнутости семиотической модели вещной среды в древних цивилизациях. Что же касается современной вещной среды, то она претерпела существенные изменения: неизмеримо «разрослась» количественно и стала неоднородной качественно. И это привело к тому, что наиболее типичной коммуникативной ситуацией в современном мире вещей стали состояние знакового хаоса, разноректорность отдельных коммуникативных аспектов вещи. Познание закономерностей внутреннего строения вещной среды в семиотическом аспекте будет способствовать как преодолению «раскола» внутри нее, так и обоснованию стилевой целостности этой среды.

В конечном итоге, на знаковую аксиологию вещи влияет не только значимость того, что она замещает в общей социокультурной системе кода, но и многозначность отношения содержания и выражения. Следует уточнить, что ценность знаковой функции вещи обусловлена не только мерой опредмечивания в ней сущностных сил человека, но и мерой распредмечивания их в системе социокультурных коммуникаций.

Итак, вещь изучается представителями самых различных наук: истории, социологии, экономической теории; искусствознания, эстетики, семиотики. Не вызывает сомнения ценность достижений каждой из них в изучении вещи. Однако создание целостной теории вещи видится в преодолении ограниченности отдельных

подходов, в комплексном решении проблемы на основе ее философско-культурологического осмысления.

Философско-культурологический подход.

Философско-культурологическое изучение вещи означает выявление источника, механизма и направленности развертывания сущностных сил человека. Культура же выступает в качестве меры развития этих сил. Отсюда правомерен интерес к вещи как к «опредмеченной деятельной сущности человека» [14]. В процессе освоения вещи, вещной среды человек «распредмечивает» сущностные силы других людей, делает их своим достоянием и тем самым получает возможность дальнейшего собственного развития. Процесс освоения социокультурных вещных форм не тождественен в различных социальных системах. Общество, лишенное подлинной духовности, не имеет основы для реальной гармонии человека и вещи. Современное общество массового потребления становится антигуманным по отношению к родовой сущности человека, его экзистенциальному предназначению.

Философско-культурологический подход позволяет определить место и роль вещи в общем строении культуры, обнаружить зависимость вещей от ценностей, норм, идеалов того общества, к которому они принадлежат. Кроме того, осмысление онтологии вещи в свете историко-культурологического опыта немыслимо вне изучения культурных традиций и взаимовлияний, культурных модификаций в масштабах вещной подсистемы общечеловеческой культуры и в границах конкретных субкультур (социума, социальной группы, отдельного человека).

Таким образом, проблема вещи как социокультурного явления перерастает свое собственное содержание и поднимается до уровня проблемы человека как деятельно-творческой личности. Интегрирующей функцией вещи становится человекотворческая функция.

Список литературы:

1. См.: Бернгейм Э. Философия истории, ее история и задачи / Э.Бернгейм.— М.: Н.Н.Ключков, 1910; Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 1898; Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. I-II. СПб., 1910-1913; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. — М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2008. и др.

2. См.: Медушевская О.М. Вещь в культуре: Источниковедческий метод истори-ко-антропологического исследования // Межвузовский центр сопоставительных историко-антропологических исследований. Вып. 1. М., 2000. С. 35 - 61.
3. Воронский А. Искусство видеть мир. –М., 1928. С.163.
4. Аркин Д. Искусство бытовой вещи. М., 1932. С. 109.
5. Салтыков А.Б. Опыт социологического изучения посуды // Декоративное искусство СССР.- 1973.- № 3. С. 30.
6. См.:Кантор К.М. Красота и польза. (Социологические вопросы материально-художественной культуры). М., 1967; Тихонов В. Жилая среда: реальность и проблемы // Декоративное искусство СССР.-1974.-№ 5; Кропивницкий Л. Художественное осмысление жилого интерьера // Декоративное искусство СССР.- 1975.- № 1; Левинсон А. Живые квартиры // Декоративное искусство СССР.- 1975.- № 5.
7. Аветисян М. Социоидеологическая система вещей и потребления. Модель отношений / М. Аветисян // Ломоносовские чтения. - Т. 1. - М., 2002; Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социологический журнал.-2000. - № 1-2; Д. Тихазе В., Курилов А. Человек в мире вещей. – М.: ДЕПО, 2010.
8. См.: Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег. Эксмо, 2007.
9. См.: Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Изд-во Прогресс, 1984.
10. См.: Темерин С. М. Русское прикладное искусство. Советские годы. М., 1960; Гизе М.Э. Очерки истории художественного конструирования в России XVIII—начала XX века. Л., 1978; Анри де Моран. История декоративно-прикладного искусства. М. 1982; Фокина Л.В. История декоративно-прикладного искусства. М.: Феникс, 2009.
11. См.: Соболев Н.Н. Набойка в России. М., 1912; Рогинская Ф. Советский текстиль. М., 1930; Аркин Д. О художественной промышленности вообще и о фарфоре и частности // Литература и искусство. 1931, № 9 - 10; Комаров В. Художественные промыслы великоустужских мастеров. Вологда, 1943; Русский фарфор: искусство первого в России фарфорового завода. Л., 1968; Аронов В. Вещь в аспекте искусствознания //Декоративное искусство СССР.- 1985.-№ 11; Богомолов Г. История костюма. Эпоха. Стил. Мода. М.: Паритет, 2005.
12. См.: Аркин Д. Эстетика вещи и наша художественная культура // Печать и резолюция.-1929.-№ 4; Молчанова А..С. На вкус, на цвет... Теоретический очерк об эстетическом вкусе. М., 1966; Каган М.С. Морфология искусства. Л., 1972; Миролюбова Л.Р.: Вещная среда и эстетическое воспитание личности. - В кн.: Эстетическое воспитание студентов. Теория, опыт, прогнозы. Свердловск, 1983 и др.
13. См.: Норцов А.. Значение военного мундира как символа и некоторые тамбовские военные акты. Тамбов, 1911; Фрейденбер О. Семантика первой вещи // Декоративное искусство СССР. -1976. - № 12; Лотман Ю.М.К проблеме типологии культуры. - Труды по знаковым системам. Тарту, 1967, вып. 3; Кнабе Г. Язык бытовых вещей // Декоративное искусство СССР.-№ 1.-1985; Лободанов А.П. Прикладные искусства: Лекции по семиотике. Вып. III. М.: Изд-во МГУ, 2007.
14. См.: Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. –М., 1981; Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов (проблема ценности в марксистской философии). –М., 1967; Касенкова Н.А. Вещи как компонент пространства духовной жизни современной молодежи; дис. ... канд. социол. наук. – Тамбов, 2009; Миролюбова Л.Р. Вещь как социокультурный феномен: Монография. – Саратов: Издательский Центр «Наука», 2011 и др.